

Томас Арутюнян

Возвращение Евгения Онегина

Томас Арутюнян

Возвращение Евгения Онегина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72610294

SelfPub; 2025

Аннотация

Авторское предисловие

2024 год был объявлен в России «Годом Пушкина».

Отчасти воодушевленный этим обстоятельством, я написал поэтический цикл, посвятив его выдающемуся русскому поэту. Но мое вдохновение на этом не угасло, а напротив, я не преминул «замахнуться» на святая святых – на одну из вершин

творчества поэта, на «Евгения Онегина», точнее, на недописанную

Пушкиным заключительную главу произведения.

Я мысленно погрузился в атмосферу пушкинского времени и мало-помалу принялся импровизировать на поэтической ниве.

Александр Сергеевич чувствовал, что роман в стихах остался незавершенным, но, несмотря на активные старания друзей повлиять в этом деле на него, поэт так и не завершил свое произведение.

Выйдя из-под «опеки» онегинской строфы, которой начинается

моя версия эпилога «Евгения Онегина», я перехожу далее к вольной интерпретации структуры своего сочинения.

Томас Арутюнян

Возвращение

Евгения Онегина

Авторское предисловие

2024 год был объявлен в России «Годом Пушкина».

Отчасти воодушевленный этим обстоятельством, я написал

поэтический цикл, посвятив его выдающемуся русскому поэту. Но мое вдохновение на этом не угасло, а напротив,

я

не преминул «замахнуться» на святая святых – на одну из вершин

творчества поэта, на «Евгения Онегина», точнее, на недописанную

Пушкиным заключительную главу произведения.

Я мысленно погрузился в атмосферу пушкинского времени и

мало-помалу принялся импровизировать на поэтической ниве.

Александр Сергеевич чувствовал, что роман в стихах остался

незавершенным, но, несмотря на активные старания дру-

зей

повлиять в этом деле на него, поэт так и не завершил свое произведение. Пушкин пишет друзьям:

Вы говорите: "Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен – понемногу
Иди вперед, не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью –
Рисуй и франтов городских,
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей –
Налог не тягостный, ей-ей".

Выйдя из-под «опеки» онегинской строфы, которой начинается

моя версия эпилога «Евгения Онегина», я перехожу далее к

вольной интерпретации структуры своего сочинения.

Как и у Пушкина, повествование ведется от имени некоего автора

(не обязательно это сам Пушкин), друга Онегина, который знакомит читателя с путевым дневником главного героя.

Записи Онегина обрываются в самый апофеоз его жизнен-

ных

перипетий. Чем завершится история, вы, мои читатели, узнаете

тогда, когда прочтете мой скромный труд, посвященный всем, кто

возвращается.

Возвращение Евгения Онегина

Ты говоришь: Онегин жив, и будет он

Еще не скоро схоронен.

А. Пушкин. «Плетневу»

...Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать,
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво,
Роман, не конча, перервать,
Отдав его уже в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было, женить,
По крайней мере, уморить,
И, лица прочие пристроя,

Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.
А. Пушкин. «В мои осенние досуги...»

I

Доколе будет мой читатель
Томиться думою о том,
Куда пропал совсем некстати
Любви несчастной, мой герой?
Поэтов часто порицают,
Порою даже обвиняют
По зову сердца, без причин,
Что не жалеем мы мужчин.
Вот, к слову, Ленский, добрый малый,
Пал жертвой ревностных страстей
И дружбы немощной своей...
А как же иначе, собратья?
Покуда честь у нас в крови,
То следом – вызов к визави.

II

Онегин, опытный повеса,
За шуткой приволок беду,
Но, опасаясь мнений света,

Ступил на горькую стезю.
Увы, в публичных сочиненьях,
Нередко пишем с упоеньем
О том, чего давно уж нет,
Дабы зажечь сердца людей.
Но, как бы драма не сложилась,
Всегда запомнится одно,
Чем под конец та завершилась,
Торжествовало ли добро?
Пора, в порыве окрыленном,
Мне снова взяться за перо.

III

И в нашем случае с Татьяной,
Обретшей мужа и покой...
В любви надломленный Евгений,
Сменивший облик дерзкий свой.
Они расстались по капризу,
Быть может, ангел рукописный
По ленной прихоти своей
Устал от эдаких страстей.
Пусть же ангел мой знакомый
Продолжит мне шептать стихом,
А с ним я разберусь потом,
Как математик с аксиомой.

Такое, каюсь, господа,
Чудно и ново для меня.

IV

Когда-то просто и, казалось,
Навек с героем роковым
Расстался я в своем романе
И вроде даже позабыл.
Его, однако, «бес лукавый»
На свет вернул, зная, для забавы
Из долгих недр забытья,
Иль прочего галиматья.
Да, жизнь земная есть загадка,
Сложнейшая из тайных грез,
Она порой то зла, то сладка,
То нам мила, то море слез.
И втихомолку, зная, ликуя,
Подчас сюрпризами балует.

V

Среди эстетов прямодушных,
Ходила стойкая молва,
Им вторили студенты дружно,
Что видели в Неве кита.

Мол, кит несчастный до Дворцовой
Приплыл из северных морей,
Ища погибели своей,
На колокольный звон минорный,
Вослед чувствительные дамы
В сем усмотрели знак дурной.
Чтоб не смущать княжон покой.
Зевак гоняли от причала,
Но любопытство брало верх,
А для меня все это – смех.

VI

«К такому зрелищу да Моську»,-
Заметил ресторатор Ольсен.
И я кивнул ему в ответ,
Еще маэстро кулинарный
Поведал слух неординарный,
«Вчера, в ужасное ненастье,
Случилось истое несчастье -
Храм Пресвятой Екатерины
Подвергся натиску стихии.
Над куполом массивный крест
Сраженный молнией исчез».
И мы с прискорбием вдвоем
Объяты грустью напускной.

А было то в кафе «Корвет»,
Где дивно тринькал клавикорд,
Где выпекался царь-пирог,
Где подавался смачный трюфель...
Сам Ольсен, в точь персидский туюфель,
Но загнут к милым господам,
Сновал бесшумно по залам...
И вдруг, о боже! вот судьба!
Онегин встал из-за стола,
Небрежно пряча свой брегет,
И напрямиком ко мне в буфет.

VII

«Прошу покорнейше, pardon,
Вы не ошиблись, я не сон»,
В тот вечер долго за вином
Он мне рассказывал о том,
Где эти годы пропадал,
Какие чудеса видал.
В нем вежи тяжких испытаний
Преобразили гордый вид,
Подобно загнанному зверю,
Он весь осунулся, поник.
Но сохранил живым рассудок,
Что прежде восхищал меня,

Когда, бывало, у огня
Болтали живо о науках.

VIII

Забавно, право же, повторно,
На рубеже почтенных лет,
В струю вернуться беззаботно,
Не промочив своих штиблет.
Итак, послушай, друг-читатель,
Онегина прямой рассказ,
Внемли и ты, мой злопыхатель,
Зоил, на этот раз смутясь.
Сколь убедительны поэты
В тех сочинениях своих,
Где муки скорби обретают
Сердца отвергнутой любви.
И на Евгения свалилась
Печали ноша. Тень души
Ночами призраком бродила,
Ища Татьянины следы.

IX

Следы, следы... Где тот пиит,
Что вас заботливо хранит?

X

Их не найдя, она металась
В воспоминаниях благих,
Но непременно натыкалась
На роковой барьерный риф.
Лишь долгий путь укажет в честь,
На что ты годен, кто ты есть...
Такою мыслию занятый,
Шарфом обмотанный мохнатым,
Во мраке долгих переулков
Шагал Евгений в дремоте,
Дивясь тому, как в пустоте
Ему и сладостно, и жутко,
И смута зреет в животе,
Как колос в жирной борозде.

XI

Полегче, скорбные вериги!
Подите прочь! Долой хандру!
И, если есть в судьбе интрига,
Так это капитан Анжу.
Он давеча в салоне Ларской
Весьма пространно рассуждал

Об экспедиции Испанской,
В ней, кажется, престиж искал.
Заморские глухие дебри
Сулили множество придач,
В которых наши пионеры
Найдут ключи своих удач.
А с ними вместе – вдохновенья
Неиссякаемая ширь
Явит им прелесть озаренья
В делах научных и морских.

XII

Вначале пелена сомненья
Его водила по кругам,
Потом представилось виденье,
Как вольно мчится по волнам,
Как курит жадно пахитоску
На влажной палубе в туман,
Где бранные слова матросов,
Швартуются по всем бортам.
Чем больше гложут нас сомненья,
Тем меньше надо им внимать,
По мне, так разум просветленный
Пред ними может устоять.
Сомненья не имеют шансов

На обретение мечты.
Они зашоренностью вязкой
Скрывают смелые пути.
Однако именно сомненья
И страх нас могут удержать
От безрассудного стремленья
Навеки счастье потерять.

XIII

В своем уме, без сожаленья,
Он подписался на затею.
Умея сносно рисовать,
Да эпюристам подражать,
Предстал наемным картографом,
И был одобрен неким графом,
Кто финансировал поход,
Надеясь в нем иметь доход,
Ну вот, судьба благоволила
Евгению на этот раз,
И в экспедицию включила,
Чтоб сделать дольше наш рассказ.

XIV

По государственному одре,

При вспоможении вельмож,
Фрегат отчалил принародно
Под петербургский нудный дождь.
Наш путешественник в каюте,
Раскрыв дорожный саквояж,
Дневник в тисненом переплете
Извлек, почуяв вдруг кураж.
Потом уверенной рукою
Он вывел первые слова:
Простился молча я с Невою
И мрачным городом Петра,
Чтоб совладеть с гнетущей дурью,
Тоски развеять долгий плен.
Шагнул я смело в авантюру
Досель не ведомую мне.
Бессонница, подобно парусам,
Сдалась на милость ветряному богу,
И мчит меня холодная вода
К потухшему чужому горизонту.

XV

Наутро арматор Анжу,
Состроив кислую улыбку,
Признался мне, по сути, в лжи,
Непреднамеренной уловке.

«Увы! Поход наш не научный,
А меркантильный от и до...
Чуть позже в строй сольемся дружный
В районе острова Ханко.
Читайте, сударь, текст депеши,
Со слов монарших свысока...
Признаюсь, я тотчас опешил

И поспешил до вас сюда».

XVI

Текст депеши

Брат Император Всероссийский,
Король Испанский и Индийский,
Желая подданным своим
Блага земная, чести, мира,
Которую Испания вкушает
Под крылом охранным европейским,
Решил полицию морскую учредить,
Без коей и торговля, и промышленность,
И судоходство наше
Навряд ли вновь откроет безмятежно
Источники былого процветанья.
Засим, учитывая за Россией

Судов избыток боевого ранга,
Мы предлагаем со присущим
Вашему Величью благородством
Нам уступить за должную оплату
Четыре корабля линейных и
Семь фрегатов во придачу.

XVII

«Ну до чего же все забавно,
По-нашенски, зело просто,
Хотя предмет сей кулуарный,
Но бьет нещадно он в лицо.
Что ж, мне не в тягость эта лажа,
Благоволите чхать на то,
Да, впрочем, благородье Наше
Встречало более того...
Поскольку с данной сей минуты
Моя персона не у дел,
То заявляю не подспудно:
Располагайте мной, mon cher».
Так я вписался добровольно
В устав российского флота,
Что выводило подневольно
Матроса в тяжкие сполна.
Кто жаждет ярких приключений,

Тем нет нужды идти во флот.
Ведь в том его предназначенье,
Что он защитников кует.

XVIII

Я дворянин, зовусь Онегин,
Я русский, подданный царя.
Душой меланхолический эллин,
А мыслью – чинная сова.
Сейчас и здесь, в пустой каюте,
Взвалив на плечи тяжкий груз,
Я стал значительней на свете,
Чем мой начищенный картуз.
Сроднился пульс со звоном склянок,
И жизнь свихнулась наизнанку,
Одевшись быстро, спозаранок
Спешу на палубу, пыхтя.
Причин не вижу досконально
Описывать мой новый быт.
Его холодное дыханье
И вечно правильный бушприт.
Лишь день падет, рукою вялой
Пишу тяжелым я пером,
Зачем не знаю, но, усталый,
Вдруг забываюсь дарным сном.

Мне прежде часто Ленский снился,
Теперь простыл его фантом.
Определенно изменился
В главе ранимый камертон.
Как утверждают эскулапы,
Нередки случаи того,
Как устремляются виденья
Нехитрой жизнью далеко.
Поспрашивал я у матросов,
Что снится им в чреде ночей,
Ответом частым на вопросы:
«Стакан вина и миска щей».
Имея кучу ассигнаций,
Я не испытывал нужды
Ни в пище русских рестораций,
Ни в табаке, ни в Beaujolais.
В моем пристанище-гнезде
Лимоны маялись повсюду,
Храня меня благим амбре
От неожиданной простуды.
Жаль, не хватает мне общенья
С А.Пушкиным. Его стихи
Порой внушали вдохновенье –
Мы оба были игроки...
Бывало, выйдем на брусчатку,
Спустив за вистом шелуху,

А он восторженною глоткой
Сшибет поэзией слезу.
Десницей царскую судьба
Отправила поэта в ссылку
К теплу родного очага
Да к чарам сказочным избытку.
Там, принужденный оставаться
В плену природной красоты,
Он шаг за шагом пробуждался
Для скорой славы и любви.
Там родился вторично гений,
Обняв восторженно судьбу,
Пошел дорогой менестрелей,
Приметив яркую звезду.

XIX

В стремнине чувственного плена,
Превозмогая гнет пути,
Слагают песни менестрели,
Как боги – чудные миры.
Сдается мне, мы не едины
На нашей горестной Земле,
Есть некто более всесильный,
Кто в нашей роется судьбе.
Коль в ворохе воспоминаний

Отыщется единый след
Далекий звезд и снов влиянье,
Не отторгайте наспех тех,
Сокрытых в недрах подсознания,
Проводников великих дел,
Под страхом диким и влечений,
Ведущих к избранной мечте,
Назло владыкам и природе,
Наперекор шальной судьбе.

XX

Российский царь, тиран безбожный,
Объятый магией ночей,
Задумал, с Амстердамом схожий,
Построить град мечты своей.
Набрал дружину в преисподней,
Нагнал мужицкий темный люд,
Чтоб на земле неплодородной
Лечить наследственный недуг.
Резвясь в безумственных забавах,
Ничтоже чести не блюдя,
Он загубил немало славных
Ребят и родного сынка.
Десятки тысяч из народа
Легли костями под дворцы,

И, пуще злобного Ирода,
Терзал он душу у жены.
Отцы духовные России
Нешадно прокляли его,
Хотя страна набралась силы,
Изрядно, недругам на зло.
Свершилось кесаря желанье –
В гранит оделись берега,
Накрывшись призрачным сияньем,
Смирилась гордая Нева.
Мой дорогой приятель Пушкин,
Как верно в том гласит молва,
Писать не взялся, ужаснувшись,
Житье кровавого Петра.
Отринув в дебри лицемерье,
Отметим явный парадокс,
Что и величие с презреньем
Порой лобзаются до слез.

XXI

Не заблуждаются поэты,
Когда с опаскою вражды

Строчат крамольные куплеты
О ненадежности судьбы.

Да, есть Фортуна, есть и будет
С незрелым племенем людским,
Как влага с тучей неразлучна,
Доколе силою рассудка
Не воспарит оно в зенит
Божественного состоянья,
Когда ему подвластны станут
Капризы занебесных сфер,
И дух очищенный восстанет
Во имя благородных дел...
Тогда Фортуна удалится,
Исполнив честно свой завет,
И только в летописях умных
Оставит свой ярчайший след.

XXII

Не думал, право, не гадал я
Судьбы увидеть злой кивок
Столь скоро, как посмеет месяц
Свершить недельный свой виток.
На мель насел фрегат неожиданно
У мыса Скаген в ранний час,
Посуда в камбузе дрожала,
А следом шторм настигнул нас.
Мой дух не робкого десятка,

Но чую жуть, не по себе...
На палубе кричат ребята,
Злой ветер буйствует везде.
За валом вал, и море стонет,
И снасти жалобно скрипят,
Стемнело враз и судно клонит
На бок и паруса трещат.
Рубите мачты! Живо! Живо!
Крепи канат! Не дрейфь, братва!
Двоих пучина поглотила,
Другие держатся пока.
Изрядно море нас терзало,
Ведя смертельную игру,
А заодно и небо рвало
Надежду ветхую мою.
Наруша ход привычный, время
Застыло в буре роковой,
Похоже, Зевесово бремя
Нависло в гневе над кормой.
Оно лукавило порою,
Чуть-чуть сбавляя свой напор,
Но вдруг опять, как зверь, ревело

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.